

К ВОПРОСУ О ПРЕОДОЛЕНИИ ЧАСТНОСОБСТВЕННОСТНОЙ ПСИХОЛОГИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

(На материале романа А. С. Иванова «Повитель»)

Л. С. СЫСОЕВА

Общественное и индивидуальное сознание советских людей сформировалось на основе нового социалистического бытия. Вместе с классовыми антагонизмами, уничтоженными социализмом, уходят и «идеалы» чистогана, и вся галерея «типов», рожденных частнособственническими отношениями.

Однако формирование индивидуального сознания и психологии личности, как указывают классики марксизма, происходит отнюдь не строго адекватно становлению общественного бытия.

Развитие сознания в целом, а также и индивидуального сознания, как правило, отстает от развития материальной жизни общества, и тем самым как бы обособляется, отрывается от породивших его материальных причин, вследствие чего образуется известная самостоятельность в ступенях его развития.

И в условиях социализма на процесс формирования личности оказывают влияние различные факторы: не только принадлежность к определенному классу или социальной группе, но и личные условия жизни, характер труда, особенности воспитания, живучие традиции прошлого, обычаи, привычки и т. д.

Существенные различия в индивидуальном развитии людей социалистического общества, еще недостигшего полной социальной культурной однородности, закономерны.

Наличие противоречий в индивидуальном сознании отражают сложный процесс ломки общественных отношений на принципиально новой основе и нередко свидетельствует о происходящем процессе ломки, «переделки» сознания, о личной «переоценке ценностей», о становлении социалистических идеалов, целей, интересов в борьбе с привычками прошлого.

Пережитки досоциалистического прошлого, лежащие в основе сознания отдельных личностей, противоположны социалистической идеологии, с ними ведется постоянная борьба, их перспектива — полное уничтожение в ходе формирования коммунистических общественных отношений.

В наше время, когда для мелкобуржуазных настроений и взглядов нет никакой материальной основы, все решительней должен ставиться вопрос о борьбе с остатками буржуазной психологии и идеологии в сознании отдельных людей, с пережитками частнособственнической психологии и морали, доставшимися нам в наследство от старого мира.

Сильным оружием в борьбе за очищение от скверны буржуазного строя являются не только материальные средства, но также и духовные, в частности, художественная литература. Эстетическими средствами можно всего ближе коснуться духовного мира человека, его психологии.

Из всех духовных средств эстетическое воздействие дает самый результативный этический резонанс. Именно поэтому искусство становится в ряд действительного оружия в борьбе за воспитание нового человека.

Первый роман А. С. Иванова «Повитель» посвящен борьбе с проявлениями буржуазной идеологии и морали, с остатками частнособственнической психологии. И в этом смысле роман можно рассматривать «как составную часть работы по коммунистическому воспитанию»¹⁾.

Главной темой этой книги является тема отрицания, отрицания темных сторон жизни.

В центре романа стоит зловещая фигура Григория Бородина, движимая одной единственной страстью обогащения, желанием «выбиться в люди», стать крепким хозяином».

Это по меньшей мере кажется странным, потому что мы имеем дело не с персонажем исторического романа: перед нами проходят события сегодняшней жизни.

Глухая сибирская деревушка Локти — место разворачивания драматических событий в жизни 3-х поколений семьи Бородиных. На истории жизни трех поколений одной семьи А. Иванов прослеживает изменения, градации властного инстинкта собственности на различных ступенях общественного строя: в условиях капитализма, когда стремление к богатству — главенствующее и обычное явление, и в уже изменившихся условиях, когда октябрьская революция уничтожила материальную среду, в которой мог бы и далее развиваться микроб собственности, способный своей болезнетворной плесенью погубить здоровый организм.

Петр Бородин, родоначальник собственнических семейных традиций — плоть от плоти мира чистогана, грабежа и эксплуатации. Инстинкт стяжания, обогащения, культивируемый в частнособственническом буржуазном мире, крепко сидит в Бородине, «как гвоздь в бревне», и рождает одно преступление за другим. Это делает образ старшего Петра Бородина омерзительным, но глубоко типичным для предпринимательской России.

Можно подыскать сколько угодно литературных параллелей «для этого образа, начиная с «классического» скупого рыцаря и кончая образами кулаков в произведениях Шолохова, Панферова, Маркова, Пермитина и др.

Одержимый жаждой богатства Петр Бородин убивает цыгана-коновала ради заветного мешочка с золотом; боясь возмездия, доводит до смерти жену Арину и готов убить своего сына. Как повилика высасывает из молодых растений жизненный сок, так страсть к богатству отняла у Петра все добрые чувства, погубила в нем человека. Сначала волчьи законы в мире хозяйчиков, а затем вихрь революционных событий, донесшийся и до глухой деревушки, превратил в тлен и хозяйство, и частнособственнические устремления Петра Бородина.

Однако этот образ несет в романе большую смысловую нагрузку. Он появился на страницах романа вследствие стремления писателя показать, что корни пережитков капитализма в сознании отдельных людей в прошлом.

Петр Бородин ушел из жизни вместе со старым миром, но он оставил на земле наследника, воспитанного в кулацком духе, зараженного повителью личного обогащения, властвования над людьми.

¹⁾ Программа КПСС. Госполитиздат, М., 1961, стр. 121.

Частная собственность, по образному выражению Евгения Пермяка, «старая ведьма» сплела в душе Григория Бородина свою губительную паутину. Психика Григория, его личность варилась в тлетворной атмосфере жажды обогащения. Именно поэтому, не оставив сыну в наследство реального богатства, Петр Бородин все-таки сумел оставить наследника по духу. Вследствие устойчивости раз сформировавшейся психики, «можно быть собственником, не имея ничего, кроме желания владеть, стяжать, наживать, обогащаться»²⁾).

На протяжении последующих страниц романа писатель прослеживает поступки и столкновения с миром советской действительности человека с микробом собственности в душе. Одно за другим следуют события в романе: партизанская борьба с колчаковцами, попытка создания деревенской коммуны, организация колхоза; отгремели бои Великой Отечественной войны, снова продолжается мирный труд на земле. Только неизменным остался страшный мирок души Григория Бородина — с настойчивой страстью стать хозяйчиком, с надеждой на возвращение прежних времен, когда можно было бы снова пустить в дело заветный кожаный мешочек.

Неуемная жажда личного владения, удовлетворение которой не может осуществиться в условиях рождающегося социализма, толкает Григория на преступления, одно страшнее другого, как некогда это случилось с его отцом.

Тайком, трусливо заметая следы, он выслеживает партизанский отряд Андрея Веселова. Вместе с кулаком Терентием Зеркаловым и его бандой поджигает колхозные постройки в надежде, что таким образом удастся расправиться с ненавистным колхозным строем, помешавшим ему обзавестись собственной лавкой, работниками, лошадьми.

Вся социальная сущность Григория проявляется на фронте. Закоренелый индивидуализм, мелкие собственнические интересы ставят Бородина вне интересов Родины, народа, всего советского общества. Собственнический эгоизм заглушил в нем чувство гражданского долга и толкнул на очередное преступление; он отказался выполнить приказание командира, связанное с опасностью для жизни.

Не предательством в Великой Отечественной войне заканчивается галерея преступлений Бородина. На этом автор не поставил точку и не снял Григория со сцены. Ведь такие, как Бородин, существуют и в наши дни в виде нерадивых председателей колхозов, крупных и мелких жуликов, обманывающих государство.

«Бородинщина» существует под разными соусами и по сей день. Автор не испугался, что очернит советскую действительность, сделав Бородина председателем колхоза.

Вполне возможно, что его, вернувшегося с фронта, могли избрать председателем колхоза: большинство мужчин было на фронте, Андрей Веселов погиб, Тихон Ракитин еще не вернулся. А никто из колхозников не знал, что под угрюмой оболочкой таится гнусная душа преступника и предателя. Новое положение ничуть не изменило волчьей сущности Григория, только вызвало у него кривую усмешку: «Председатель, хозяин, хоть чужим заправляю»³⁾).

«Чужим заправлять» ему недолго пришлось. Стремясь обвинить честного человека, Евдокию Веселову, в краже колхозного зерна, Бородин разоблачает сам себя.

Желаемого прозрения, просветления, понимания реальности у Григория Бородина не наступило. Так и уходит он со злобным отчаянием, что «помешали ему жить».

²⁾ Е. Пермяк. Старая ведьма. Роман-газета, № 24, 1961, стр. 43.

³⁾ Анатолий Иванов. Повитель. Новосибирск, 1965, стр. 397.

Ни тени сочувствия не вызывает у нас этот неудавшийся собственник в отличие от Григория Мелехова (М. Шолохов. «Тихий Дон»), также не ставшего на сторону советской власти, беднейшего казачества, совершившего столько тяжких преступлений против народа. Источник сочувствия к Мелехову в том, что этот образ трагичен. Григорий Мелехов натура колеблющаяся. Он стремится постичь истину: «С кем быть, на какой путь стать? «Такие чудовищные» просветления: «Против кого веду? Против народа? Кто же прав?» — часто находили на героя «Тихого Дона». Кажется, что он вот-вот осознает, кто же прав, прорвется к пониманию истины и твердо станет на один-единственный путь — путь советской власти. Однако этот прозревший человек не родился в Мелехове. Его задавило старое, мелкое, сословное, волчье, что было воспитано в нем собственнической средой, в которой он вырос. В этом противоречии Григория Мелехова, в возможности двух противоположных выходов из него, в страстном ожидании в нем правды советского пути кроется источник сочувствия читателя к нему.

В неосуществленной возможности стать на правильный путь, искупить свои преступления перед народом и состоит трагедия Григория Мелехова, трагедия, которая в действительности стала уделом многих колеблющихся, трагедия, которую счастливо избежали другие колеблющиеся, избрав свой путь вместе с советской властью.

В Григории Бородине не было колебаний, сомнений, раздирающих душу Григория Мелехова. Бородин избежал всех сложных перепетий «смутного времени»: империалистической войны и революции, гражданской войны. Он счастливо отсиделся в глухих Локтях благодаря откупу старосты Зеркалова драгоценностями из кошелька убитого цыгана. Если бы Григорий побывал на фронте, в окопах среди солдат, возможно, и освободилась бы его душа от цепких лап «старой ведьмы». Автор показывает своего героя в таких обстоятельствах, в которых могли бы крепко прорасти семена собственности, посеянные отцом в душе Григория. Бородин был и остался по ту сторону баррикады, его тропинка разошлась с прямой дорогой в колхоз.

Крушение замыслов отщепенца, так же как и «промах» Петра Сторожева (Н. Вирта «Одиночество»), мы воспринимаем не трагически, а как закономерное явление нашей жизни, как очищение нашей действительности от пережитков буржуазного сознания.

Правомерен ли в нашей литературе образ, подобный Григорию Бородину? Не впадает ли писатель в крайность, ставя в центр романа изображение «осколка» старого мира? Является ли цепь преступлений главного героя выражением социальной сущности образа или следствием патологичности характера главного героя романа?

А. Иванов создал образ необычный в нашей литературе, темные краски слишком сгущены, гиперболизированы в обрисовке этого образа, чтобы можно было найти сейчас двойник Григория Бородина. Однако чем объяснить такие явления в нашей жизни, как стяжательство, фетишизация своего хозяйства, карьеризм, бюрократизм, жульничество всех мастей. На наш взгляд, это разновидности «бородинщины», сконцентрированной автором в одном образе.

Некоторым критикам образ Бородина кажется нетипичным, надуманным, а конфликт произведения — искусственным и затянувшимся в своем решении.

«Вдумываясь в то, что действие третьей части романа происходит после Отечественной войны, невольно задаешь вопрос, а чем же поддерживается в Григории ненависть к окружающему? Ведь даже многие зажиточные односельчане Григория Бородина поняли смысл новой жизни, распростились со старым. Почему же не так поступил Григорий Бородин? Ведь нельзя же забывать, что в нашей стране ликвидирована

сама экономическая основа, способствующая формированию частнособственнических взглядов и психологии»⁴), — вполне закономерно спрашивает О. Хайлов. Другие же теоретики, наоборот, догматически подходят к анализу общественных отношений. Они считают, что при социализме, как и в период перехода к нему, ведется борьба против буржуазного класса, в которой зачисляются... воры, тунеядцы, хулиганы и т. п.

Отстаивая правомёрность конфликта в произведении А. Иванова, мы хотим подчеркнуть, что образ Григория Бородина свидетельствует не о наличии антагонистических классов в социалистическом обществе, а является типичным отражением острых противоречий в сфере сознания.

В связи с тем, что развитие идей, психики людей имеет относительную устойчивость и самостоятельность, вследствие того, что формирование новой психологии и сознания отстает от развития новых общественных отношений, для перевоспитания людей, т. е. их взглядов, привычек, навыков и т. д., требуется несравненно больше времени, чем для замены одного общественного строя другим.

Конфликт между укоренившимся старым и новым проявляется в особенно острой форме тогда, когда общество претерпевает коренные изменения в сравнительно короткие исторические сроки. За 40 лет существования Советской власти невозможно было полностью преодолеть все старые взгляды, привычки, нравы и обычаи, которые укоренились в условиях частнособственнических отношений на протяжении многих сотен лет.

Оплетенная стяжательскими инстинктами фигура Григория Бородина напоминает нам, что существуют антагонистические противоречия в области идеологии, являющиеся отголосками недавней острой классовой борьбы.

Природа социалистического общества не порождает каких-либо несоциалистических идей, представлений и нравов: из сущности социалистического строя не вытекает закономерности существования чуждой социализму психологии и морали; но возможности для существования остаточных форм старого сознания связаны с рядом объективных условий, противоречий и трудностей (в том числе материальных) жизни социалистического общества, поскольку оно вышло из недр капитализма, развивается в условиях мирного сосуществования государств с различным общественным строем и несет на себе «родимые пятна», традиции и предрассудки старого мира, из недр которого оно вышло.

В «Критике Готской программы» Маркс писал о первой фазе коммунизма: «Мы имеем дело не с таким коммунистическим обществом, которое развивалось на своей собственной основе, а с таким, которое, наоборот, только что выходит как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого он вышел»⁵).

Следовательно, образ Григория Бородина возник как отражение имеющихся в нашем обществе антагонистических противоречий, между социалистическим мировоззрением и пережитками, «родимыми пятнами» капитализма, носителями которых являются не классы, не социальные группы людей, а отдельные отсталые личности. Эти остатки и рецидивы буржуазного сознания наносят ущерб не только материальной жизни людей, но и препятствуют тормозящее, разлагающее влияние на психику молодого поколения. Активные носители темных инстинктов

⁴) О. Хайлов. Поражение Григория Бородина. «Звезда», 1959, № 2, стр. 230.

⁵) К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 13.

прошлого стремятся заразить молодежь духом индивидуализма, скептицизма и пассивности. Яркий пример тому — ущербность характера младшего Петра Бородина, которому отец попытался вбить свои человеконенавистнические взгляды.

Ликвидировав социальный источник возникновения буржуазных и мелкобуржуазных воззрений, привычек, навыков и т. п., социализм все же не уничтожает объективной возможности оживления, а в отдельные моменты жизни усиления сохранившихся пережитков капитализма.

Социализм вследствие недостаточного уровня развития производительных сил ограничен «узким горизонтом буржуазного права», т. е. при социализме сохраняется некоторое материальное неравенство вследствие соблюдения социалистического принципа равенства: «от каждого по способностям, каждому — по труду».

Одинаковый принцип распределения по труду, примененный к неравным людям по своим способностям, возможностям, семейному положению и т. п., дает некоторое фактическое неравенство в материальном благосостоянии членов общества.

Этот принцип распределения, используемый как объективная необходимость в первой фазе коммунистического общества и порождающий некоторое неравенство, Ленин вслед за Марксом называл остатками «буржуазного права».

При социализме, писал Ленин, «буржуазное право», будучи отменено по отношению к средствам производства, «остаётся все же в другой своей части, остаётся в качестве регулятора (определивателя) распределения продуктов и распределения труда между членами общества»⁶⁾.

Принцип материальной заинтересованности является единственно правильным на данном этапе развития общества, однако сохраняет различия «в богатстве». «Различия в богатстве останутся и различия несправедливые», — писал Ленин⁷⁾.

Эти «несправедливые различия», которые еще не может устранить социализм, при определенных условиях в той или иной мере могут питать отсталые взгляды, побуждать частнособственнические, эгоистические, рваческие настроения, вызывать индивидуалистические тенденции, противопоставление личных интересов общественным, заслонять чувство общественного долга и т. п.

К таким объективным возможностям, способствующим сохранению пережитков прошлого в сознании отдельных людей, мы можем отнести наличие в нашей стране крестьян-единоличников, некооперативных кустарей, ремесленников; наличие трудностей, вызываемых стихийными силами природы (неурожай), бедствия, несчастья, перенесенные войной, наличие идеологического влияния со стороны капиталистических стран.

К таким причинам можно отнести некоторые моменты субъективизма, свидетельствующие о нарушении принципов социализма: уравниловка, произвол, бюрократизм, неправильное хозяйствование руководителей колхозов, нарушение принципов материальной заинтересованности, перегибы в политике цен и т. п.

Вследствие имеющихся в нашем обществе объективных причин, объясняющих живучесть частнособственнических устремлений и психологии, борьба с ними носит затяжной, длительный характер.

Как говорил Ленин, «громадная сила привычки мелкобуржуазному хозяйничанию может быть преодолена лишь длительной упорной борьбой».

Именно стремлением писателя обратить внимание на живучесть и опасность унаследованных от старого мира психологии и морали объ-

⁶⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 94.

⁷⁾ В. И. Ленин. Там же, стр. 93.

ясняется, казалось бы, столь затянувшееся решение конфликта в романе. Ведь живуча еще «грацианщина» («Русский лес», Л. Леонов), маскирующая революционными фразами свою идейную враждебность, неприятие советской действительности. У «грацианщины» и «бородинщины» одни и те же корни, они в прошлом, старом дореволюционном мире. Только первое прикрито интеллигентской оболочкой, а второе проявляется в своем грубом, не прикритом внешней благопристойностью и ученностью, виде. Очевидная чужеродность Грацианского нашей идеологии в его проповеди неизбежности войны, невозможности чего-либо понять в историческом процессе. Грацианский — замаскированный враг, носитель буржуазной идеологии, направленной на подтачивание основ нового мира.

Сегодня длительная и упорная борьба с темными пятнами в сознании людей приобретает все больший накал, потому что коммунистические принципы жизни возбуждают повышенную гражданскую нетерпимость к буржуазным пережиткам.

С психологией «хаповства» борется Евгений Пермяк в романе «Старая ведьма». Серафима Ожеганова сумела извлечь большую для себя пользу из замужества своей дочери. Большущий дом, огород, свиньи, даже зеркальные карпы, разведенные сталеваром Киреевым «для забавы», — все превратилось в статьи дохода для стяжательницы Серафимы. Еще большее отвращение вызывает другой персонаж романа — Ветошкин.

Этот циничный старик разводил у себя «в особнячке» морских свинок, даже перепоручил их опытному зоотехнику, а потом продавал втридорога государству.

Е. Пермяк ставит вопрос, что же породило «эту проказу, этот духовный распад Ветошкина, любующегося своим цинизмом?» Откуда же все-таки появляются подобные Серафиме Ожегановой, что питает их душу? Что порождает ненасытность, страсть к наживе?

И причина — все та же «старая ведьма», госпожа частная собственность, свившая гнездо в душе Ожегановой, Ветошкина и даже сталевара Василия Киреева. Появляются еще и в наше время «великие комбинаторы», мечтающие о трех миллионах и о собственной даче между Гаграми и Сухуми. «Тонап» — товарищество на паях, возглавляемое проженным жуликом Христофоровым, не что иное, как банда хапуг, обкрадывающих советское государство. С активом «Тонапа» знакомит нас роман-фельетон Аркадия Васильева «Понедельник — день тяжелый»⁸⁾.

В новом романе Г. Маркова «Отец и сын» мы сталкиваемся с врагами наиболее крупного калибра, нежели Григорий Бородин, у которого собственнические устремления, по существу, деградируют до уровня психологии, не имея четкого политического оформления.

Бывшие царские офицеры Кибальников и Отс, от руки которых погибла партиячка Васюганской коммуны, притаилась в глуши Среднего Причулымья. Заклятые враги советской власти долгое время держались предписанной им линии поведения в жизни: «уходить глубже в народ, прятаться в нем, мужиковствоватость до поры до времени и бояться только одного — растраты ненависти к коммунистам»⁹⁾.

Однако теперь, когда они отсиделись в «целости и сохранности», более энергичный и изворотливый Григорий Ведерников, их союзник в бандитском налете на коммунаров Васюганья, преподносит им новую тактику вредительства советскому государству: «Надо менять шкуру, идти в партию, влезать в государственный аппарат, занимать команд-

⁸⁾ А. Васильев. Понедельник — день тяжелый. М., 1962.

⁹⁾ Георгий Марков. Отец и сын. «Молодая гвардия», 1965, стр. 317.

ные посты»¹⁰⁾. Бывший царский офицер и повеса, преуспевающий теперь в должности начальника межрайонной государственной конторы «сибпушнина», льет на мельницу капитализма: «Не спешить с индустриализацией, деревню не перекраивать с ног до головы», «ведь за границе нужна Россия покорная, бессильная, без больших самостоятельных целей»¹¹⁾.

Таким образом, мы убеждаемся, что «бородинщина» до сих пор просачивается в нашу жизнь, и в этом смысле фигура Григория Бородинина приобретает глубокую обобщенность, типичность. Образ Бородинина приобретает большую типичность не только на фоне нашего общества, но и стран народной демократии, строящих у себя социализм, переживающих сложный период своего социального развития, когда особенно дают себя знать все частнособственнические пережитки.

Следовательно, на примере образа Григория Бородинина автор романа «Повитель» решает большую социальную задачу: показывает необходимость выявления носителей частнособственнических традиций, «родимых пятен» прежних общественно-экономических формаций и необходимость упорной, суровой борьбы с ними, как борьбы за чистоту формирующихся коммунистических отношений.

¹⁰⁾ Там же, стр. 318.

¹¹⁾ Там же, стр. 319.